

Нина Бьёрн

ОБРЕЧЕННЫЙ
НА ЖИЗНЬ

16+

Нина Бьёрн
Обреченный на жизнь

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Бьёрн Н.

Обреченный на жизнь / Н. Бьёрн — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Прожив в браке почти двадцать лет Юля вдруг поняла, что ее семья никогда не была такой идеальной, какой казалась со стороны. Жизнь женщины перевернулась, когда любимый муж поставил ей ультиматум. Она должна отказаться от новорожденного больного сына. Готова ли она пожертвовать двадцатью годами брака и уйти в неизвестность, оставшись без работы и средств к существованию? Пойдет ли Юля на сделку с совестью ради шанса спасти семью?

© Бьёрн Н., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Картинка со свободной лицензией для обложки взята с сайта
<https://pixabay.com/ru/мать-и-ребенок-семья-ребенка-мать-1646450/>

– Вы уже выбрали ему имя? – спросила Олеся, усаживаясь и втискивая свой огромный живот в пространство между батареей и столиком.

– Выбрали, – счастливой кошкой мурлыкнула Юлия. – Будет Владимиром. В честь отца мужа.

– Володька, значит. А как мужа зовут?

– Саша.

– Владимир Александрович. А что, хорошо звучит, – одобрила Олеся.

Деревья в сквере вокруг родильного дома уже слились с темнотой августовского неба. Вечерняя прохлада затекала в комнату через открытое настежь окно, принося облегчение после жаркого дня. Слегка пожелтевший от старости холодильник «Бирюса» наполнял роддомовскую столовую уютным стрекотом. За окном кузнечики подпевали слегка пожелтевшему от времени

Картинка со свободной лицензией для обложки взята с сайта
<https://pixabay.com/ru/мать-и-ребенок-семья-ребенка-мать-1646450/> солисту своими трелями.

– Тебе с сахаром? – Юлия зашуршала пакетом с приклеенной на нем на скотч бумажкой. «Юлия Морозова, палата №307, 1.08.2017».

– Давай, – махнула рукой Олеся. – За прибавками веса можно больше не следить. Алена Игоревна сегодня на осмотре сказала, что в любой момент начнется. А как твоя спина?

– Четвертый день ноет уже, – Юлия закинула в чашку новой подруги два белоснежных кусочка и осторожно пристроилась к гнутой железной спинке стула, с наслаждением вытягивая ноги под столом.

– Прихватывает тебя что ли?

– Вроде бы нет. Не чувствую ничего такого. Только поясницу тянет. Может и вправду сегодня рожать уйду? Ой, хоть бы...

– Со старшим так же было?

– Я уже почти и не помню, как было со старшим. Это было так давно...

Разговор тек мирный и очень теплый, словно собеседницы были знакомы не несколько дней, а много лет. Потихоньку пустели чайные кружки и разделенная на двоих коробочка рахат-лукума. В коридоре предродового отделения царил полумрак и только на сестринском посту было еще светло.

– Наташа там для нас таблетки раскладывает на завтра, – Юлия прислушалась к звукам со стороны поста и улыбнулась. – И, кажется, Дмитрий Олегович там с ней сидит.

– Да, точно, – хихикнула Олеся. – Он вокруг Наташки раскланивается, раскланивается... То шоколадку ей, то яблочко, а она упорно делает вид, что не замечает. Опять будет с ней на посту полночи сидеть.

– Значит, он сегодня дежурит.

– Да, а что? Он тебе не нравится?

– Очень уж молодой. Был бы кто-то поопытней... А этот Дмитрий Олегович почти ровесник моего сына.

– Скажешь тоже, – фыркнула почти уже многодетная мама Олеся. – Я Ванечку рожала с Дмитрием Олеговичем полтора года назад. Хороший он врач, пусть и молодой. Руки золотые. И он почти вдвое старше твоего сына.

– Он выглядит как мальчишка-подросток. Мой Витька кажется взрослее. Несolidно как-то.

– А по-твоему, седина в висках и пивной живот – единственные показатели высокого профессионализма?

Юля рассмеялась. В самом деле. Какая разница, на какой возраст выглядит врач, если он хороший?

– А как так вышло, что между вашими детьми такая разница большая? Твоему ведь шестнадцать?

– Да, – Юля глотнула ароматного горячего чая с бергамотом и окунулась в воспоминания. – Понимаешь, пока Витька маленький был, я работала, Саша служил. Денег не хватало, жилья своего не было. Мыкались по гарнизонам. Витя болел часто. Тяжело было. Все думали, вот подрастет, отправим сына в школу, тогда и о втором задумаемся. А потом решили подождать пока квартира своя будет. Потом Саша пошел учиться дополнительно. Для карьеры нужно было. Тоже денег много ушло на это. Вот так и протянули.

В Юлином голосе слышалась горечь.

– А ты хотела бы раньше?

– Хотела. Но Саша был прав. Не время было.

– А сейчас почему надумали?

– Витя большой уже. В следующем году школу закончит и начнется у него взрослая жизнь. Поступление в институт, учеба... Отрезанный ломоть, как говорит Саша. Вот и подумали мы, что пока не старые еще оба, можно и второго родить, – Юля приложила ладонь к животу в ответ на легкое шевеление ребенка. – В последние дни он ведет себя довольно тихо.

– Значит, точно со дня на день родишь, – авторитетно заявила Олеся, запуская руку в коробочку с рахат-лукумом.

– Вы почему еще не спите? – шикнула на женщин медсестра Наташа, заглянув в столовую. – Ну-ка, быстренько по палатам! Отбой!

– Есть, товарищ сержант! – лихо метнула к виску ладонь Юля.

Кто придумал в предродовом отделении устраивать подъемы в шесть утра? Почему температуру нельзя измерить в семь, а еще лучше в восемь или девять? Почему бы не дать беременным выспаться напоследок? Ведь это их последние спокойные ночи на ближайший год вперед. Может персоналу нравится смотреть, как по коридору отделения к посту стекались со всех палат сонные пациентки? Или это для тренировки? Так сказать, введение в курс молодого бойца... матери.

Юля сунула подмышку термометр. Большой диван милостиво принял ее и еще двух пузатых жертв ежеутреннего ритуала в свои уютные объятия. Глаза закрывались сами собой. Полночи ныла спина. Уснуть получилось только перед рассветом.

Писк электронного термометра нахально выдернул Юлю из дремы.

– Морозова, триста седьмая палата, тридцать шесть и восемь, – отрапортовала Юля медсестре, сдавая термометр и освобождая вожденное место на диване для следующей беременной.

Все, можно спать почти до завтрака.

Юля еще лежала в постели, когда телефон от вибрации пополз по тумбочке, а на дисплее высветилось «Сашка любимый».

– Алло...

– Доброе утро, Зая! – бодрый голос мужа резко контрастировал с заспанным мяуканьем Юли. – Спишь?

– Угу...

– Как самочувствие? Как там малой?

– Не торопится пока. А я вот почти всю ночь...

– Слушай, Зая! У меня такая новость! Приказ пришел!

- Приказ? – Юля окончательно проснулась. – Тот самый?!!
- Да! Сегодня на планерке объявили. Иду в парадку переодеваться. На плацу построение в двенадцать.
- Ну, все, теперь папаху покупай, товарищ уже полковник! Сашка!!! – счастливо выдохнула Юля. – Как я рада!
- Вот, Юлька! Гордись! Твоя мечта всего в одном шаге! Будешь женой генерала!
- Горжусь, горжусь, – засмеялась Юля.
- Юля, я тебе еще после построения позвоню!
- Подожди, Саш! Как там Витя?
- А что Витька? Все хорошо. Не переживай. Он взрослый уже, сам себе яичницу пожарить может. Все, Зая, до связи!

Муж повесил трубку. Юля сидела на кровати с телефоном в руках и улыбалась. Как же хорошо! Такая замечательная новость с утра!

Саша старался. Он упорно двигался по карьерной лестнице. Звание за званием, должность за должностью. Если Морозова ставили командиром взвода, то его взвод был в передовых. Если Александру давали роту, она становилась лучшей в части. Ни пятнышка в личном деле.

Добился. Заслужил, заработал. Еще одна ступень и муж перейдет в когорту высшего офицерского состава. Ответственный, старательный, стремящийся быть лучшим во всем. Юля искренне восхищалась мужем.

Сын перенял эти качества отца, унаследовав, однако, более спокойный нрав матери.

Морозов был очень горд старшим сыном. Сослуживцы завидовали, и было чему. Витя – гордость семьи. Сознательный, умный, воспитанный, занимающийся помимо учебы баскетболом. Физико-математический лицей принял в свои списки будущего физика Виктора Морозова после девятого класса вне конкурса как победителя олимпиады. В свои шестнадцать лет сын уже твердо знал, чего хочет добиться, и кем станет.

Замечательная у нее семья. Любящий муж, замечательный сын, а теперь еще и второй на подходе. Такой долгожданный.

Два сына – предел Юлиных мечтаний. Столько лет она грезилась о втором ребенке. И потом, когда Саша согласился, было планирование, анализы, осмотры врачей, ожидание. Врачи мягко и деликатно отговаривали. Все таки мужу уже пятьдесят три, да и сама не девочка. Врачи говорили: высоки риски, возраст внушительный, выносить труднее, вероятность осложнений выше. Но Юля верила, что все будет хорошо. И вот теперь она носит их с Сашей здорового сына. Беременность протекала без особых осложнений. Вот и верь после этого рискам. Сколько молоденьких девочек пьют горстями гормоны и другие лекарства, лежат на сохранении, и все равно теряют беременность. А Юля все смогла сама, несмотря на свой возраст.

После обеда, как и обещал, позвонил ее новоявленный полковник. Саша сообщил, что на вечер назначено торжественное обмывание звездочек, и посокрушался, что жена не сможет быть на празднике рядом, ведь все женатые офицеры будут с женами. Затем он поинтересовался самочувствием Юли и малыша, посочувствовал плохому ночному сну жены из-за ноющей спины, уведомил, что сегодня Витя будет ночевать у друга в связи с намечающимся дома праздником и попрощался. Как всегда краток и собран, улыбнулась Юля. В этом весь Саша.

Разговор с сыном тем же вечером получился более развернутый и неторопливый.

Последний день беременной в предродовом отделении окрасился гордостью и радостью за мужа и неизменным теплым сыновьем: «Люблю тебя, мам!». Вечером в половине одиннадцатого у Юли отошли воды. Вызванный дежурный врач засвидетельствовал, что это именно они, и ее отправили в палату собирать вещи.

Медсестра, вызванная специально, чтоб проводить Юлю в родовое, уже стояла над душой с Юлиными документами в руках.

– Можно позвонить?

Медсестра молча кивнула, и Юля присела на край кровати, набирая номер Морозова.

– Алло, Зай! Привет! – весело ответил муж после небольшого ожидания. Сашин язык уже немного заплетался от впитого алкоголя. Слышались музыка, разговоры и смех. Веселье в полном разгаре.

– Саш, у меня воды отошли.

– Куда водки отослать?

– Себе отошли! Саша, началось! Иду рожать.

– Что, правда! Юлька! Второй шикарный сюрприз за день! Мужики-и-и! Кажется сегодня у меня родится сын!

И голос мужа потонул в одобрительных овациях и восторженных возгласах. Кто-то тут же отдал приказ наполнить стопки и выпить за нового Морозова.

– Зай! Ты там держись! Я с тобой! А я тебе попозже позвоню еще! Люблю тебя!

Юля поняла, что дальше ее слушать уже не будут. В трубке уже звучали тосты за их будущего ребенка.

подавив в себе всколыхнувшуюся обиду на мужа, Юля сунула телефон в карман.

– Пойдемте, Морозова, – напомнила о себе медсестра, разворачиваясь на выход. Юля подхватила пакет с вещами и направилась следом.

– Михална! Принимай новенькую!

После всех подготовительных процедур, Юлина история родов наконец шлепнулась на угол стола на посту в родовом отделении. Пожилая медсестра глянула на роженицу со своего места поверх стойки и, поджав губы, стянула папку к себе.

– Еще одна старородящая, – буркнула гримза, как прозвала ее про себя Юля. – Уже скоро внуков нянчить, а она... Ну, куда вы все рожать-то лезете в ваши-то сорок?

– Тридцать девять... – обиженно возразила Юля. Презрительный взгляд поверх узких очков ясно сказал, что думает гримза о такой малой погрешности в один год. Юля вдруг почувствовала себя маленькой девочкой в детском садике перед ругающей ее за пролитое молоко нянечкой.

– Не ворчи, Михална. Ты посмотри, какая тут карточка! Анализы все хорошие, обследования все сделаны. Никаких осложнений! Хорошая девочка, да и беременность не первая. – примирительно улыбнулась провожающая медсестра и подмигнула Юле. – Ну что, Морозова, не испортим статистику роддому?

Юля ответила натянутой улыбкой. Весь вид гримзы вещал, что само присутствие возрастной роженицы уже доставляет ей проблемы. Стало обидно. Как можно, имея такую благородную профессию, думать в первую очередь о статистике, а не о людях? Какая вообще разница этой гримзе, кто в каком возрасте рождает? Она даже не врач. Ее дело – просто заполнять бумажки. Кто она такая, чтоб разговаривать в таком тоне? Была бы Юля чуть хуже воспитана, не стала бы молчать!

Но Юля не станет выяснять отношения. Она не станет принимать близко к сердцу нетактичные высказывания неудовлетворенной жизнью пожилой женщины. Юля выше этого. В конце концов, через несколько дней она уйдет из роддома с сыном на руках и не вспомнит, что когда-то на ее пути попала эта старая гримза Михайловна.

Высоко подняв голову, Юля проследовала вслед за гримзой в палату.

Время в предродовой тянулось словно резиновое. Неприятное столкновение с медсестрой ушло в прошлое, вытесненное более важными переживаниями. Стрелки часов на бело-снежном безликом циферблате ползли по кругу со скоростью улиток. Наконец, спустя долгие

семь часов ползания по кровати, царапания стен, натужных стонов и попыток продышать боль Юлю забрали в родовой зал.

От напряжения закладывало уши. Перерывов между потугами едва хватало, чтоб отдышаться. Время и пространство перестали существовать для Юли. Только острая всепоглощающая потребность освободиться. Тело само собой сосредоточилось на самой главной в жизни работе.

Акушерка отдавала короткие распоряжения и подбадривала Юлю, между потугами. Чуть позади дожидались своего маленького пациента неонатологи.

– Давай, девочка, в последний раз! Толкай! Давай, давай, еще, еще! Молодец!

Наступило облегчение. Ее сын родился – единственное осознание, пульсировавшее в изможденном мозгу. Несколько судорожных вдохов и в сознание хлынул поток ощущений и образов, которые до этого оставались за пределами фильтра, заблокированные как несущественные.

Юля мельком увидела, как акушерка передала врачам маленькое тельце.

Молчание, с которым неонатологи приняли в свои руки новорожденного пугало. Ребенок не кричал.

Почему лица акушерок и медсестер такие странные? Тишина, воцарившаяся в родовом зале резала нервы.

– Что случилось? Он жив?

– Жив.

– Ох, как хорошо!

– А вот это еще вопрос...

– Что?

В этот момент ребенок кашлянул, раскричался, и Юлю накрыла волна счастья. Малыш плакал, и эти звуки выворачивали Юлину душу, выбивали из нее обиды, очищали.

– Спасибо, Господи! – она откинула голову паря на грани между восторгом, смехом и плачем.

– Не отвлекайся! Нам с тобой еще послед рожать! – акушерка и врач с каким-то особым рвением засуетились вокруг Юли.

Она почти не заметила последующих манипуляций врачей над собственным телом. Юля смотрела только на маленькие дрыгающиеся ножки в сизой смазке, мелькавшие между белыми халатами врачей. Наконец, ребенка завернули в пеленку.

– Все, девочка, теперь отдыхай. Сейчас к тебе подойдет врач и расскажет все о ребенке. – сказала акушерка, пряча взгляд и исчезла из зала.

Юлю переложили на каталку, водрузили на живот грелку со льдом и накрыли простыней.

Медсестры принялись приводить в порядок кресло. Один из неонатологов стоял возле кушетки с новорожденным, второй уже топтался у Юлиной каталки с планшетом в руках.

– Ну, что? Как он?

– У вас мальчик. Рост – пятьдесят два сантиметра, вес – три килограмма и двести пятьдесят грамм.

Доктор замолчал, покрутил в руках свой планшет, пошуршал какими-то бумажками. Юля испугалась.

– С ним что-то не так?

Неонатолог нервно сглотнул, набрал в легкие воздуха и выдавил из себя чудовищную фразу.

– У Вашего ребенка врожденная патология. Как я понимаю из Вашей карты, Вы об этом не знали.

Юлино сердце ухнуло куда-то в пропасть страха.

– Какая патология?

– У него синдром Дауна.

– Что? Какой синдром? Этого не может быть! Я же... – сердце билось где-то в горле. – Я ведь проходила обследования! УЗИ и всякие анализы крови! Все было хорошо!

– Ваш ребенок родился с синдромом Дауна. К сожалению, иногда специалисты УЗИ ошибаются.

– Ошибаются? – Юля переспрашивала и чувствовала себя идиоткой. Слова доктора никак не сходились в ее сознании с реальностью. – Все было нормально!

– Но и это еще не все. Часто синдром Дауна проявляется с некоторыми другими патологиями.

– С какими? – ужас жег внутренности.

– У Вашего сына полное одностороннее расщепление неба и губы.

– Где мой сын? Покажите мне его!

Неонатолог обернулся и кивнул напарнице. Та аккуратно и ловко подхватила из кюветки крохотный сверток и подошла ближе. Сочувствие и сожаление на ее лице хлестнули бичом.

Юля заглянула в лицо сына и тут же зажмурилась. На сетчатке намертво выжгся образ исковерканного лица мальчика. Это ее сын! Юля боялась открывать глаза снова, молясь, что то, что она видела – всего лишь кошмарный сон. Может ей дали наркоз, чтоб зашить надрывы, и все это просто кошмарное видение. Но голос неонатолога звучал на редкость реально и мучительно, заставляя Юлю вжиматься в каталку

– Сложность Вашего случая в том, что расщелина затронула и область мягкого и твердого неба. Удивительно, что ни на одном УЗИ этого не заметили. Есть ли другие патологии, сопутствующие синдрому Дауна мы точно выясним, как только проведем все необходимые обследования.

– Другие? – собственный голос казался чужим.

– Да, их может быть достаточно много. Я подойду к вам позже. Отдыхайте пока.

И Юля провалилась в бездну кошмара.

Она не знала, сколько времени пролежала, тупо глядя в потолок. Ее куда-то везли на каталке. Перед глазами мелькал больничный потолок и белые продолговатые светильники. Лишенный возможности здраво мыслить мозг подмечал абсолютно бесполезные детали. Легкую небритость одного из санитаров, нелепый галстук другого, вереницу дверей, мимо которых ее везли. Они нумеровались в обратном порядке. Двести двадцать восьмая, двести двадцать седьмая, двести двадцать шестая... А закрывая глаза, Юля видела обезображенное крохотное личико. Слезы лились по щекам, но Юля их не чувствовала.

До слуха вдруг донесся обрывок разговора и голос, который Юля почему-то сразу узнала. Грымза.

– А чего удивляться-то? Нужно было рожать десять лет назад, а не на пороге климакса. Глядишь, и у ребенка не было бы уродства.

Юлю разбила истерика. Тело колотило крупной дрожью. Собственные руки с негнуцимися ледяными пальцами казались чужими. Они мяли кожу на лице, вцеплялись в волосы и тянули их, прикрывали рот, из которого вырывались какие-то почти звериные рыдания.

Несчастную родильницу вкатили в палату и переложили на кровать. Перед уходом, санитары поставили на тумбочку пакет с Юлиными вещами и сунули ей в руку ее собственный телефон.

Ее ребенок – неполноценный! Как он будет жить? Какой будет эта жизнь? Юля не много знала о пороке сына. Лишь то, что такие дети сильно отстают в умственном плане. Каково ему будет в школе с таким диагнозом? Такие дети вообще ходят в школу? Ее сын никогда не сможет жениться, получить профессию, стать самостоятельным. У него не будет детей.

Вскоре пришла медсестра и попыталась что-то объяснить. Юля не поняла. Не восприняла. Не добившись ничего вразумительного, медсестра спешно ушла из палаты. Через неко-

торое время она вернулась, вынула из окаменевшей руки родильницы телефон и вколола в вену Юли какое-то лекарство.

Юля смотрела на уже знакомого ей неонатолога, пытаясь собрать сознание в единое целое. Снотворное закончило свое действие, но пробуждение далось тяжело. Сколько она проспала? На стенах палаты горели желто-оранжевые отблески заката. Вечер.

Доктор объяснял ей, что патологий, несовместимых с жизнью у ребенка нет. Юля боялась говорить, боялась шевельнуться или вдохнуть, опасаясь, что расплачется снова. Посоветовал позвонить родным и купить специальные соски для кормления детей с такими пороками развития...

Позвонить родным...

Неонатолог подал Юле ее телефон и ушел. Она уставилась на прямоугольник, отражающий своим темным глянцевым экраном утомленное Юлино лицо с опухшими глазами. Позвонить родным... Юля включила телефон и на дисплее высветилось оповещение о тридцати двух пропущенных вызовах. От мамы, от мужа, от Вити, свекровь звонила тоже. Ее потеряли. Сначала роды, потом это снотворное. Они волнуются за нее. Ее семья. Ее родные. Как никогда раньше захотелось сейчас быть с ними рядом. Услышать ласковое «Люблю тебя, мам!». Нужно позвонить Саше. Он ждет. Как они будут жить дальше? Пусть новости и ужасные, но вместе они справятся. Они переживут это вместе.

Юля ткнула пальцем в строчку последнего неотвеченного вызова.

– Юлька! Ты куда пропала? Я уже номер роддома оборвал! Звонил в справочную. А до тебя не дозвониться. Как ты?

– Я... Нормально... Мне снотворное вкололи, – голос дрогнул. – Ты звонил? Тебе все сказали?

– Они сказали, что с тобой все нормально и родился мальчик, вес, рост мне назвали. А зачем тебе снотворное давали?

– Чтоб отдохнуть.

Он не знает. В справочной не сказали. Может им такие подробности не передают, а только то, что все живы и рост, вес и пол ребенка. А может посчитали, что такая информация не для телефонного разговора и озвучивать ее бестактно.

Юля глубоко дышала, пытаясь отыскать в себе силы для разговора. Как тяжело говорить любимому, что его долгожданный сын родился больным.

– Юля, ты чего молчишь? – голос Саши зазвучал встревоженно. – Что с тобой?

Телефон жег руку. Юля проглотила ком в горле.

– Саша... Я... С Володей беда... Он болен.

– В каком смысле болен? Что с ним? Это серьезно?

– Серьезно... Саша, у него волчья пасть.

В трубке телефона наступила тишина.

– Саша, ты знаешь, что это такое?

– Знаю... – голос Морозова сорвался и по Юлиным щекам снова потекли слезы.

– Это не все... У него синдром Дауна.

Юля всхлипнула.

– Я не понимаю, почему так... Я ведь делала УЗИ, анализы... Почему врачи это не увидели? Такое ведь специально проверяется и обследуется. Врач говорит, что это, возможно, из-за нашего с тобой возраста. Саша...

Тишина в трубке вдруг навела на мысль, что муж не слушает. Юля испугалась, что Саше могло стать плохо от этих новостей.

– Саша?!!

– Я слышу, – Юля слышала, как на другом конце связи сглотнули.

– Почему ты молчишь?

– А что мне сказать?

– Врач говорит, что смертельных патологий у него нет. Нужно купить специальные соски, потому что дома...

– Нет...

– Что?

– Я этого ребенка домой не повезу...

Юля чувствовала себя так, будто ей в грудь вогнали кол и провернули, разрывая сердце.

– Саша...

– Пиши отказ. Все, Юля...

Саша отключился.

Неужели Саша в самом деле это сказал? Юля не хотела верить. Она, наверное, ослышалась или не так поняла. Хотя, как можно понять неправильно такие простые слова: «Пиши отказ...»? Юля набрала номер снова. Потом еще и еще.

Морозов ответил только ближе к ночи. Он был пьян. Это слышалось в голосе.

– Алло, Саша... Почему ты бросил трубку?

– Я все сказал, Юля.

– Так нельзя, Саша! Он же наш сын!

– Сын? – от крика мужа Юля вздрогнула. – Какой сын? Он ведь даже не поймет, насколько он ненормальный! Ты представляешь, во что превратится наша жизнь? Ничего ты не представляешь! А я не хочу такой жизни! Юля, мне уже пятьдесят три. Я не хочу остаток жизни потратить на ребенка, который этого даже не оценит!

– Что же мы бросим его? Как котенка? -

– На улице он не останется. Есть интернаты для инвалидов! Там о нем позаботятся те, кто знает, что делать с такими как он!

– Мы тоже можем о нем позаботиться! Можно же научиться!

– И кто? Ты? Юля, ты профессиональный педагог? Или врач? У тебя даже образования высшего нет. Ты в солдатском чепке проработала всю жизнь. Просидела за забором в тепличных условиях под моим боком, а теперь решила учиться? Чему и когда? Ты и понятия не имеешь, какая жизнь за забором части!

За восемнадцать лет брака муж никогда не попрекал ее работой. Наоборот. Сам же и устроил ее в солдатскую чайную, чтоб они могли быть рядом даже на службе. А теперь оказывается, что это было от того, что он считает ее слишком глупой, чтоб устроиться где-то еще.

– Саша, зачем ты так?

– Как? Это правда, Юля! Раскрой глаза и подумай! Я два часа шарился в интернете, искал все про этот проклятый синдром и остальные болезни! Я знаю, о чем говорю!

– Но можно же сделать операцию...

– Это не одна операция, а несколько. Подумай только, его лицо будут кромсать снова и снова. Перекраивать его и пытаться слепить что-то более менее человекоподобное. Он будет шепелявить и гундосить всю жизнь! А потом... Я видел фото таких детей. У него дыра в лице! И зубы все кривые вырастут. Сколько обойдется протезирование, чтоб он выглядел нормально? Даже если мы все сделаем, он все равно останется Дауном! У него на лице все равно будет написано, что он ненормальный! На него будут пялиться на улице. Ты не сможешь показаться с ним на детской площадке, потому что другие мамы будут шептаться за твоей спиной! Никто не захочет играть с ним. Прорва денег уйдет на растение, которое даже не будет понимать, что оно растение. И это на всю оставшуюся жизнь, Юля! Он никогда не станет самостоятельным! Его даже через дорогу нельзя будет отпустить одного! Мы не потянем его ни финансово, ни физически! Пиши отказ! Когда я приеду забирать тебя оттуда, тоже напишу...

Саша снова бросил трубку.

Юля набирала его номер, как заведенная. Размазывала по лицу слезы, расслаивавшие изображение на радужные размытые блики, и нажимала пальцем на имя мужа в контактах. Не знала, что еще делать. Не знала, что ему сказать, как убедить. В чем убедить? Она и сама не могла бы сказать, в чем именно собиралась его убеждать. Просто не могла признать то, что сказал Саша. Это ведь ее Саша? Тот, который очень любит Витю, заботится о нем, о семье. Он просто испугался. Растерялся, вот и сорвался на Юлю. С ним такое бывает. Иногда. Это временно. Когда шок и первый испуг пройдут, он одумается и пожалеет о том, что сказал сейчас.

Муж не отвечал. Сначала в трубке слышались только длинные гудки, а после многих попыток дозвониться хорошо поставленный голос с нейтральной интонацией объявил, что абонент недоступен.

Юля в очередной раз нажимала кнопку вызова, когда в палату вошла полная женщина средних лет. Телефон пришлось временно отложить.

– Здравствуйте, меня зовут Марина Витальевна, – представилась вошедшая. – Я врач детского отделения. Я буду наблюдать Вашего ребенка, пока он находится здесь.

– Здравствуйте, – Юля, еще не отошедшая после разговора с мужем, замерла на кровати в ожидании новых кошмарных известий. Эта Марина Витальевна не могла принести хороших новостей о ее сыне.

– Ваш врач говорит, что Ваше состояние удовлетворительно. Ребенок находится в детском отделении на этом же этаже. У Вашего мальчика полное одностороннее расщепление мягкого, твердого неба и губы. Он требует особого ухода. Такие дети не могут нормально есть. Пища попадает в полость носа. Высок риск задохнуться. Из-за того, что они не могут нормально есть, они хуже прибавляют в весе и чаще болеют. А вкуче с синдромом Дауна, его болезни будут еще больше тормозить его умственное развитие.

Врач говорила. Она описывала все возможные трудности, сыпала медицинскими терминами, большую часть из которых Юля не понимала. Она повторяла то, что сказал Саша, только другими фразами. Каждое слово как удар. Выбивало дух, отнимало желание подниматься.

Слишком много информации. Слишком много «НО» в жизни ее ребенка. Он будет жить, но неполноценно. Он сможет говорить, но для этого потребуются операция. Он сможет нормально есть, но для этого так же нужна операция.

– Я хочу увидеть его... – Юля соскребла собственное еще слабое тело с кровати.

Марина Витальевна кивнула.

Голова сильно кружилась. Держась за стенку одной рукой, Юля брела за врачом. Коридор казался бесконечным. Из палат слышался детский плач. В манипуляционной и на посту суетились сотрудники послеродового отделения. Из столовой пахло вареной гречкой и каким-то мясом. В отделении кипела своя жизнь. Только Юля словно бестелесный призрак медленно плелась мимо этой жизни вперед к двустворчатым дверям с надписью «детское отделение» в конце коридора.

За застекленной дверью, помеченной табличкой «бокс № 2», обнаружили два ряда кюветок с малышами. Не было необходимости спрашивать, какой из детей – ее. Юля смотрела через смотровое окошко в изуродованное самой природой личико ребенка и не могла понять, за что... За что ему это? В чем они провинились, что жизнь наказала их так страшно? Ведь никому не делали зла. За что им это?

Она стояла там почти час и не могла заставить себя зайти в бокс.

– Вы хотите отказаться от ребенка?

– Что? – вырванная из тяжелых мыслей Юля не сразу поняла, что Марина Витальевна снова стоит рядом с ней.

– У вас на лице все написано. Оно и понятно.

- Муж хочет...
- Возможно, Ваш муж прав.
- Он просто не ожидал. Перенервничал.
- Хорошенько подумайте. Такой ребенок будет занимать все Ваше время и все время Вашей семьи. Он не сможет пойти в детский сад, потому что уровень его развития будет ниже, чем это необходимо для нормальной адаптации среди обычных детей. Хотите знать мое мнение? – врач участливо смотрела на молодую мать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.